

Содержание

Факультет ненужных вещей

Часть первая

13

Часть вторая

129

Часть третья

261

Часть четвертая

369

Часть пятая

471

Приложение

Суд синедриона

607

К историку

665

Комментарии

669

*Анне Самойловне Берзер
с глубокой благодарностью за себя
и за всех других подобных мне
посвящает эту книгу автор*

Когда спросят нас, что мы делаем,
мы ответим — мы вспоминаем.
Да, мы память человечества, поэтому мы
в конце концов непременно победим;
когда-нибудь мы вспомним так много,
что выроем самую глубокую могилу в мире.

Р. Брэдбери

Новая эра отличается от старой эры главным
образом тем, что плеть начинает воображать,
будто она гениальна.

К. Маркс

Везли, везли и привезли
на самый, самый край земли.
Тут ночь тиха, тут степь глуха,
здесь ни людей, ни петуха.
Здесь дни проходят без вестей —
один пустой, другой пустей,
а третий словно черный пруд,
в котором жабы не живут.

Однажды друга принесло,
и стали вспоминать тогда мы
все приключенья этой ямы
и что когда произошло.
Когда бежал с работы Войтов,
когда пристрелен был такой-то...
Когда, с ноги стянув сапог,
солдат — дурак и недородок —
себе сбил пулей подбородок,
а мы скребли его с досок.
Когда мы в карцере сидели
и ногти ели, песни пели
и еле-еле не сгорели:
был карцер выстроен из ели
и так горел, что доски пели!
А раскаленные метели
метлою извернули воздух
и еле-еле-еле-еле
не улетели с нами в звезды.

Когда ж все это с нами было?
В каком году, какой весной?
Когда с тобой происходило
все, происшедшее со мной?
Когда бежал с работы Войтов?
Когда расстрелян был такой-то?
Когда солдат, стянув сапог,
мозгами ляпнул в потолок?
Когда мы в карцере сидели?
Когда поджечь его сумели?
Когда? Когда? Когда? Когда?
О бесконечные года! —
почтовый ящик без вестей,
что с каждым утром все пустей.
О время, скрученное в жгут!
Рассказ мой возникает тут...

Мы все лежали у стены —
бойцы неведомой войны, —
и были ружья всей страны
на нас тогда наведены.
Обратно реки не текут,
два раза люди не живут.
Но суд бывает сотни раз!
Про этот справедливый суд
и начинаю я сейчас.
Печален будет мой рассказ.
Два раза люди не живут...

1940 год

Глава первая

Копали археологи землю, копали-копали, да так ничего и не выкопали. А между тем кончался уже август: над прилавками и садами пронеслись быстрые косые дожди (в Алма-Ате в это время всегда дождит), и времени для работы оставалось самое-самое большое — месяц.

А днем-то ведь все равно парило: большой белый титан экспедиции накалялся так, что до него не дотронешься. Идешь в гору, расплеснешь ведро, и лужа высохнет тут же, а земля так и останется сухой, глухой и седой. А однажды с одним из рабочих экспедиции приключился настоящий солнечный удар. Вот поднялся-то шум! Побежали в санчасть колхоза за носилками. Они стояли у стены, и когда Зыбин — начальник экспедиции Центрального музея Казахстана — наклонился над ними, то с серого брезента на него пахнуло йодоформом и карболкой. Он даже чуть не выронил ручку. Ведь вот: сад, ветер, запах трав и яблок, блеск и трепет листьев, на траве чуткие черные тени их, а тут больница и смерть.

Ну а потом все пошло очень быстро — больного прикрыли зеленым махрастым одеялом и стащили вниз. Все бестолково кричали: “Тише, тише! Ну чего вы его так? Это же больной!” — остановили под горой попутную пятитонку — в это время из домов отдыха все машины несутся порожняком, — осторожно вознесли носилки и поставили возле мотора — там трясет меньше, — и сейчас же два молодых землекопа, остро блеснув ботинками, вскочили и уселись по обе их сто-

роны. Они уже успели где-то нагладиться, начиститься, вымыться и расчесаться. Ну а рабочий-то день, конечно, пропал. Все разбрелись по саду, кое-кто пошел к речке, и оттуда, из кустов, ударила гармошка и заорала девка. Орала здесь, как и на всех посиделках, — громко, визгливо, по-кошачьи.

— О, слышите, — с удовольствием сказал Корнилов, поднимая ослепшую, взмыленную голову. — Обрадовались! Вот работников-то мы с вами нашли, Георгий Николаевич, а? С ними как раз клад отыщем.

Их было двое. Начальник экспедиции Зыбин и археолог Корнилов. Они оба — он и Зыбин — с белыми литровыми жестянками из-под компота стояли над горным ледяным потоком (это и была речка Алма-Атинка) и окатывались с головы до ног.

— А, черт с ними, — сказал Зыбин. — Дня-то все равно уже нет.

— Да, конечно, черт, дня нет, — вяло согласился Корнилов и по плечи окунулся в поток. — Но ведь это что значит? — продолжал он, выныривая и отфыркиваясь. — Ведь это значит, что пока мы тряслись над этим Поликарповым, кто-то уже успел стонять в правление к Потапову за гармошкой, а это, я вам скажу, две версты верных по горам. Я однажды посмотрел на часы, пока шел, — полчаса, верных две версты.

— А вы сегодня Потапова видели? — быстро спросил Зыбин.

— Видел. А как галдели, как они, черти, галдели. Один так ко мне прямо в палатку влетел. Я проявляю, так он, скот, нарочно все настезь! “Наш товарищ доходит, а вы тут разложили свои...” Товарищ у него, чёрта, видишь, доходит. Очень нужен ему товарищ! — И он опять ушел по плечи в поток.

Зыбин подождал, пока он вынырнет, отфырчится, отчертыхается, разлепит глаза, и сказал:

— Надоели мы им до чертиков, Володя. Устали они, разочаровались, изверились. (“Вот-вот, — согласился Корнилов, — вот-вот, они изверились, скоты!”) А помните, как было сначала? Жара, дождь, а они знай грызут и грызут холм. А те-

перь, когда два месяца прошло впустую, ни горшка, ни рожка, ну конечно... Ну хотя бы вы снова скотские кости откопали, что ли.

Корнилов стоял молча и зло, докрасна растирал ледяной водой живот, грудь и шею. Движения у него были широкие и сильные. Когда Зыбин ему сказал о скотских костях, он вдруг приостановился и спросил:

— А мне, пока я в городе был, никто не звонил?

— Да нет... — скучно начал Зыбин и вдруг всплеснул руками. — Ой, звонили, два раза даже звонили! Потапов приходил за вами. Какая-то женщина звонила. Я велел ей дать музейный телефон. Ничего? Она вас застала?

У Корнилова вдруг остро блеснули глаза.

— Женщина-то? — Он схватил с большого синего валуна мохнатое полотенце и стал им быстро, ловко и весело растирать, как будто пилить, спину. Был он невысокий, загорелый, мускулистый, чернявый и очень подвижный. У него всегда все ходило: руки, спина, мускулы, губы, глаза. “Артист, — подумал Зыбин, любуясь им. — Ох артист же! Это он в Сандунах так”.

— Ничего, ничего, дорогой Георгий Николаевич, — бодро воскликнул Корнилов. — И не только ничего, но даже и очень, очень хорошо. — Он скомкал полотенце и бросил его в Зыбина. — Собирайтесь-ка, натягивайте новые сотельные брюки и потопали. Директор, наверно, уж нас заждался.

Он всегда, когда был возбужден, говорил вот так: “сотельный”, “потопали” или даже “увидишь — закачаешься”.

— Директор? — Зыбин даже сел на валун (к этому бедламу еще и директор!). — Да разве он...

— Ну а как же, — весело и дружелюбно ответил Корнилов, с удовольствием рассматривая его полное белое лицо и светлые водянистые глаза, они даже как-то поглупели за секунду. — А как же, дорогой Георгий Николаевич? Он же вас любит, правда? Ну а если любит, то и сам приедет, и гостей привезет. Да каких гостей! Увидите — закачаетесь. Он так и сказал мне: “Ждите, я приеду”. Ну-ка пошли встречать.

Они взбирались по пологому холму через кустарник. На одном уступе Зыбин вдруг остановился и ласково сказал Корнилову:

— Володя, вы посмотрите-ка туда, вон-вон туда, на дорогу.

— А что?

— Да как старинная гравюра.

Уже смеркалось. Тонкий туман стелился по уступам, и все огненно-красное, голубое, темно-зеленое, фиолетовое и просто белое: круглые листья осинника, уже налившиеся винным багрянцем; частые незабудки на светлом болотистом лужке, черные сердитые тростинки; влажное, очень зеленое и тоже частое и чистое, как молодой лучок, поле (с одной стороны его покачивались ажурные белые зонтики, а с другой стороны стояли высокие строгие стебли иван-чая с острыми чуткими листьями и фиолетовым цветом) — все это, погруженное в вечер и туман, смирялось, тухло, стихало и становилось тонким, отдаленным и фантастическим.

— Как старинная гравюра под прокладкой, — повторил Зыбин.

— Да вы поглядите, где вы стоите, — вдруг сердито крикнул Корнилов, — вы же сотельные брюки испортили, ой, горе мое!

Зыбин залез в куст степной полыни, и она обмарала его желтой, плотно пристающей пылью.

— Да что руками, что вы все руками? — еще сердитее закричал Корнилов. — Только еще больше вотрете. Вот придем — надо будет взять сухую щетку и отдраить вас всего. Но только пусть она сама драит. Она, а не вы. А то ничего не выйдет. — Он смешливо покачал головой. — Вот комиссия, создатель. Приедут, посмотрят. Рабочие водку глушат. Одного так уж даже замертво увезли. Научный состав навеселе, а руководитель сидит без штанов в шалаше. Красотища! А научные результаты-то, а?

— А ваши косточки, Володя, — ласково сказал Зыбин. — Ваши рожки да ножки. Вот мы их и предъявим. Ведь вы их еще не зарыли?

Корнилов загадочно посмотрел на него.

— А что мне их зарывать, — сказал он. — Что их зарывать, если...

А история с костями была такая. Когда после первых робких успехов экспедиции началась полоса сплошных неудач, Корнилов по каким-то понятным одному ему приметам вдруг решил, что место, где они копают, конечно, безнадежное, но вот если приняться за небольшой пологий холмик на яблочной просеке...

— Да ведь это же погребение, — убеждал он Зыбина, — очень богатое, вероятно, даже конное погребение. Обязательно надо попробовать. Ну обязательно.

Копали долго и безнадежно. Меняли места, изрыли весь участок и под конец докопались. Отрыли преогромную ямину, полную костей. Видимо, сюда свалили остатки какого-то богатырского пиршества — персон эдак на тысячу. Коровы, овцы, козы, лошади, свиньи! — в общем, такой груды мослаков, пожалуй, еще никто никогда не видал. Ну что ж! Отрыли и зарыли, что еще делать с костями? Но по колхозу уж пополз слухок, что ученые раскопали сапное кладбище. Что тут только поднялось! Сначала взбунтовался колхоз, затем забеспокоились дамы из дома отдыха СНК, за домом отдыха СНК зазвонил и загудел во все аппараты Наркомздрав.

На место раскопок прилетела стремительная комиссия эпидемуправления с молодыми сотрудниками в пенсне террористического вида и с ящиками с крестами, колбами, пробирками. Яму снова раскопали, обвели канатами и поставили мрачного человека с кобурой. А пока шел суд да разбор, двум парням-землекопам где-то на вечеринке просадили головы. “Сап разводите, проклятые! Вот ваш прораб нам попадетсЯ! Всем головы поотмотаем!” Головы, правда, никому не отмотали, и комиссия уехала, составив даже акт, что кости по давности времени опасности не представляют, но все равно все могло бы обернуться очень плохо, если бы не бригадир Потапов. Он — умница! — притащил на заре два ведра карболки и залил яму. Вонь, конечно, поднялась страшная, но она сразу всех и успокоила. Несло двадцатым

годом, вокзалом, бараком, сборным пунктом, пропускной камерой — то есть чем-то сугубо житейским, во всяком случае сап, вылезший из тысячелетней могилы, так не пахнет.

Директор узнал об этой истории только через месяц, когда вернулся из срочной столичной командировки. Он вызвал Зыбина и хмуро сказал (а глаза все-таки смеялись):

— Ну то, что вы казенные деньги без меня в землю зарыли, это черт с вами — “наука умеет много гитик”, а что такое гитика, никто не знает, значит, и спросу нет. Ну а если вам колхозники ваши ученые головы посшибают, тогда что? Я за вас, дураков, не ответчик!

Так и стояла яма посередине сада, пахла двадцатыми годами, и, проходя мимо нее, все плевались и поминали ученых.

...Корнилов загадочно посмотрел на Зыбина.

— А что мне их зарывать? — сказал он. — Что их зарывать, если их сегодня же увезут в город?

— Это зачем же? — остановился Зыбин. — На студень, что ли?

— А затем, — ответил Корнилов с великолепной легкостью, — затем, дорогой, что Ветзооинститут у нас покупает костный материал. Так вот, завтра приедет директор с профессором Дубровским, он осмотрит все, заактирует, а затем переведет нам бобики в размере затрат. Но это завтра-завтра, не сегодня, как ленивцы говорят. Это я вам так, для страха сказал, что сегодня.

Зыбин засмеялся.

— Не проходит, Володя. Фамилия подвела. Вам бы выбрать другого кого-нибудь. Профессор Дубровский месяц как арестован.

— Да это не тот, голуба моя, — ласково пропел Корнилов. — Тот историк, голуба, а это — ветеринар.

Зыбин посмотрел на Корнилова, хотел сказать что-то язвительное и вдруг осекся. Он вспомнил, что и правда Дубровских два и один из них, старший, как раз в Ветзооинституте ведает кафедрой зоологии.

— Нет, правда? — спросил он робко (коленки у него были желтые-прежелтые).

— Святая истина, — проникновенно ответил Корнилов. — Мы продали костный материал чистопородных линий скота третьего-четвертого веков. Еще не верите! Знаете что тогда? У Потапова висит натуральный Никола Мирликийский. Идемте — приложусь. Там и водка есть. Пойдемте.

Зыбин наклонился и стал резкими боковыми ударами ладоней отряхивать колени. Корнилов стоял над ним и смотрел. Брюки Зыбина его больше не трогали.

— Вы гений, — решительно сказал наконец Зыбин, поднимая голову от своих теперь уже безнадежно замаранных темно-оливковых коленок. — Второй Остап Бендер. Выдумать такое... нет, точно гений!

— Не я, — скромно ответил Корнилов. — Я гений, я Остап Бендер, но мне принадлежит только общая идея, а воплощение ее... — он загадочно помолчал. — Завтра вы сами увидите это воплощение. О, там бьют уже в рельсу. Каша готова! Идемте к Потапову. Я сказал, жди, притащу твоего ученого!

Комиссия нагрянула к концу следующего дня в двух машинах. В первой, трескучей, помятой, но известной всему городу “ЭМ-1” ехали директор и дед-столяр. Черт знает зачем везли сюда деда. Но он сидел, гордо курил и озираал окрестность. И по ту сторону, и по эту. Вид у него был трезвее трезвого.

“Орел”, — подумал Зыбин.

Третьей в машине сидела высокая, очень красивая, похожая на индуску девушка с чистым, продолговатым, матовым лицом и черными блестящими волосами. Клара Файзулаевна, заводделом хранения. Она смотрела поверх машины и думала что-то совсем свое. А за “эмкой” шла еще машина — длинная, худая, желтая, стремительная, как гончая или борзая (в машинных марках Зыбин совсем не разбирался). В ней были только двое: высокий тощий старик в чесучовом костюме и полный немчик, белобрысый, нежно-веснушчатый, очкастый, в пробковом шлеме и с фотоаппаратом через плечо. Он и вел машину.

Музейная машина доехала до бугра, урча, взобралась на него и остановилась, покачиваясь и порывивая. Дед и директор соскочили. Клара осталась. Директор что-то спросил ее или сказал ей что-то (ткнул пальцем в палатки и фыркнул), но она в ответ только дернула плечиком. Оба археолога смотрели на них с вершины другого холма. Вокруг — кто с киркой, кто с лопатой — стояли рабочие. Сейчас раскапывали именно этот холм. Только теперь предполагалось, что это не цитадель, а могила вождя — курган.

— И опять полдня летят! И самые продуктивные, по холоду, — вздохнул Зыбин, смотря на дорогу. — Ну что ж, Володя, идите встречайте, а я пока сбегая в лавочку. Раз уж деда привезли, без этого не обойдешься. — И он побежал вниз.

Корнилов секунду смотрел ему вслед, соображая, а потом крикнул:

— Но берите только водку! Шампанское есть, стоит в заводи!

— А это как же? — удивился Зыбин, останавливаясь.

— А вот так же, — отрезал Корнилов и покатился вниз.

Зыбин постоял, подумал, пожал плечами.

— С чего ж это он шампанского? — спросил он недоуменно. — Вечно чего-то он...

— А подвела, — радостно объяснил ему парень, что стоял рядом, — не приехала. Вот он и продал вам свои заготовки!

— Кто? Да ну, глупости! — резко отмахнулся Зыбин и пошел было вниз, но тут другой рабочий, Митрич, пожилой, степенный, которого бригадир Потапов втер в экспедицию (толку от него колхозу все равно было чуть), авторитетно подтвердил:

— Нет, приезжала, приезжала. Он с ней из города приехал. Машину там около реки оставили — она сама ее вела — и сразу оба к яме. Он: “Стойте, я вам покажу — вот, вот и вот!” — взял ее зонтик да ка-а-ак начал шуровать, она сразу и нос в платок: “Не надо, не надо, я и так вас поняла”.

Все засмеялись. “А ведь не любят они Корнилова”, — подумал Зыбин и сам не различил, приятно это ему или нет, во всяком случае в эту минуту он понял, что Корнилова можно и не любить.

— Ну а потом что? — спросил он.